

Научная статья

УДК 165.6/8

doi: 10.17223/1998863X/70/7

НАУЧНЫЙ ПЕРСПЕКТИВИЗМ: РЕАЛИЗМ, АНТИРЕАЛИЗМ ИЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА?

Вадим Александрович Чалый

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия,
vadim.chaly@gmail.com*

Аннотация. На примере концепций Р. Гира, М. Массими и Ф. Реканати обсуждается претензия актуальной программы научного перспективизма на преодоление противостояния реализма и антиреализма. Утверждается, что противостояние не преодолено и что, несмотря на верный выбор стратегии поиска компромисса и некоторые концептуальные новации, научный перспективизм пока опирается на перцептивную метафору и не делает ясным, как перспективность проявляет себя в теоретическом знании.

Ключевые слова: научный перспективизм, реализм, антиреализм, Р. Гир, М. Массими, Ф. Реканати

Благодарности: исследование поддержано Российским научным фондом, проект «Перспективизм как эпистемологическая программа», гранта № 22-28-02041, <https://rscf.ru/project/22-28-02041/>

Для цитирования: Чалый В.А. Научный перспективизм: реализм, антиреализм или новая парадигма? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 80–90. doi: 10.17223/1998863X/70/7

Original article

SCIENTIFIC PERSPECTIVISM: REALISM, ANTIREALISM, OR A NEW PARADIGM?

Vadim A. Chaly

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
vadim.chaly@gmail.com*

Abstract. The current state of philosophy of science is characterized by stasis in the struggle between realism and antirealism. In recent years, a number of authors have come out with a program of scientific perspectivism that claims to sublimate this great collision and gain the status of a new epistemological paradigm: “perspectivism, or, better, *perspectival realism*, is one of the newest attempts to find a middle ground between scientific realism and antirealism” [1. P. 2]. Important milestones of the perspective movement were the works of Ronald Giere, Francois Recanati, Bas van Fraassen, Michela Massimi, and others. The thesis of the article is that perspectivism has not yet realized its claims to autonomy, although it has become an important new arena for discussions between realists and antirealists who try to appropriate perspectivist concepts and arguments. The “middle ground,” when thought out consistently and thoroughly, turns out to lie not “between,” but either in the territory of realism or in the territory of antirealism, depending on the presumptions of the author of a particular perspectivist conception. This is demonstrated by the analysis of the conceptions of Giere, Massimi, and Recanati. Giere’s perspectivism is based on the metaphor of color vision, and for him only some (secondary) qualities of real objects turn out to be

perspectival, i.e., subject-dependent. Massimi's perspectivism attempts, on the basis of a visual arts metaphor, to combine the phenomenon of the plurality of scientific theories ("perspectival disagreement" about *what* an object is) with the general realist attitude of science (agreement about *that there is* an object). Recanati's perspectivism syncretizes realism about ordinary objects and relativism about other things. The first two versions of perspectivism rely on a perceptual metaphor: perspective is conditioned by the perceptual constitution of the observer, that is, it arises at the *mental* or *cognitive* level. Recanati's version attempts to derive perspective from contextuality, that is, it is *semantic*. However, it does not show exactly how perceptual categories are superimposed on theories or how scientific concepts reveal their perspectival character. The isomorphism of perception and theoretical thinking, sensibility and understanding, remains undemonstrated. On the one hand, perspectivist efforts are motivated by an important concern to account for antirealist critique (lack of access to the "view from nowhere," factual and semantic underdetermination, difficulties with the idea of approaching the truth, the historicity of knowledge, the activeness of the constructing subject, etc.) while preserving the scientific commitment to universality, validity, and truthfulness. On the other hand, the ontological question remains fundamental and unavoidable, and perspectivism (yet?) fails to circumvent it. As we see, all three versions of perspectivism considered in this article turn out to be varieties of realism: Giere and Massimi recognize this explicitly, while Recanati de facto assumes a quite respectable and conservative position of selective realism with respect to ordinary objects.

Keywords: scientific perspectivism, realism, antirealism, Ronald Giere, Michela Massimi, Francois Recanati

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-02041, <https://rscf.ru/project/22-28-02041/>

For citation: Chaly, V.A. (2022) Scientific perspectivism: realism, antirealism, or a new paradigm?. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 80–90. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/70/7

Введение

Актуальное состояние философии науки характеризуется стагнацией в борьбе реализма и антиреализма. В последние годы ряд авторов выступили с программой научного перспективизма, претендующей на снятие этой большой коллизии и получение статуса новой эпистемологической парадигмы: «Перспективизм, или, лучше, *перспективный реализм* – это одна из новейших попыток найти золотую середину между научным реализмом и антиреализмом» [1. Р. 2]. Важными вехами перспективистского движения стали работы Р. Гира [2], Ф. Реканати [3], Б ван Фраасена [4], М. Массими и др. [5–8]. Философские основы перспективизма заложены в работах классиков (Лейбница, Канта, Ницше) и современников (Ф. Каульбаха, В. Штегмайера и др.)¹, однако научный перспективизм практически не обращается к их работам (исключение – внимание к Массими к Канту), вместо этого ориентируясь на и отталкиваясь от актуальной полемики научного реализма и антиреализма.

Тезис статьи заключается в том, что перспективизм пока не реализовал заявленные претензии на самостоятельность, хотя и стал новой важной ареной для дискуссий реалистов и антиреалистов, пытающихся присвоить перспективистские понятия и аргументы. Золотая середина, будучи продуманной

¹ См.: Левин М.Р., Чалый В.А., Луговой С.В., Корнилаев Л.Ю. История перспективизма и статус перспективистских понятий (в печати).

последовательно и до конца, оказывается лежащей не между, а либо на территории реализма, либо на территории антиреализма в зависимости от исходных установок автора конкретной перспективистской концепции. Чтобы продемонстрировать это, я изложу и проанализирую версии перспективизма Гира и Массими, являющиеся реалистскими, и перспективизм Рекапати, представляющий собой синкретическую комбинацию реализма и антиреализма.

Научный перспективизм Р. Гира

Американский философ науки Рональд Гир (1938–2020) в книге «Научный перспективизм» (2006) первым попытался прибегнуть к систематической разработке перспективистской интуиции, согласно которой знание определяется «позицией», «точкой зрения» или «перспективой» исследователя. Его разработка отталкивается от феномена цветового зрения. Люди обладают трихроматическим зрением, дающим определенную «цветовую перспективу» мира, которая отличается от перспективы ди- и тетрахроматов. Гир утверждает, что это же положение вещей распространяется на наблюдение при помощи научных приборов. Этот тезис хорошо известен как основа инструментализма, но Гир считает, что более точной является его перспективная интерпретация. Перспективой, конституирующей наблюдение и измерение с помощью прибора, Гир называет совокупность пресуппозиций о характере функционирования прибора и о теории, используемой при интерпретации результатов [2. Р. 14]. Результат измерения теоретически осмыслен и практически надежен только в той мере, в какой эти неявные допущения выполняются. Для Гира это означает, что результаты измерения не могут быть отделены от перспективы, в рамках которой они были получены. Ни одна перспектива измерения не является привилегированной, поскольку каждая из них включает в себя несовершенные идеализации. Далее Гир расширяет метафору: научные теории вообще «создают перспективы, в рамках которых можно представить себе аспекты мира» [2. Р. 59]. Как и в случае наблюдения с помощью инструментов, теоретическая перспектива определяется пресуппозициями теории, и все утверждения, сделанные в рамках теории, неотделимы от перспективы, которую конституирует теория.

У концепции Гира есть как минимум две трудности. Первая связана с его слишком огульным представлением позиций, альтернативой которым должен стать научный перспективизм. Гир помещает научный перспективизм между «объективистским реализмом» и «социальным конструктивизмом» [2. С. 14]. Объективистский реализм в понимании Гира, которое он подкрепляет радикальными высказываниями известных физиков, не слишком искушенных в вопросах методологии и метафизики, сводится к тезисам: а) о перманентности научного знания (знание накапливается; можно точнее назвать это тезисом о кумулятивности знания); б) о статусе научных законов как дескрипций реальности и в) о науке как о приближении к истине. «Полный объективистский реализм («абсолютный объективизм») остается недостижимым даже в качестве идеала. Неизбежным, хотя и банальным фактом является то, что научные инструменты и теории являются творениями человека. Мы просто не можем выйти за пре-

дела нашей человеческой перспективы, как бы ни стремились некоторые к взгляду на Вселенную с божественной высоты» [2. P. 6]. Гир признает совпадение объективизма с «метафизическим реализмом», описанным и подвергнутому критике Патнемом: «существует только одно истинное и полное описание того, „как устроен мир“» [9. P. 49].

На это можно возразить, что существуют более изощренные версии реализма, в том числе «внутренний реализм» самого Патнема. Не учитывая их, научный перспективизм Гира сражается с «соломенным человеком» радикального объективизма, тогда как среди версий реализма есть и такие, которые выражают интуицию его перспективизма (в целом не новую) о зависимости вторичных качеств от наблюдателя столь же успешно или, возможно, даже точнее, не прибегая к перспективным понятиям. Некоторые критики уже квалифицировали перспективизм Гира как лишь еще одну разновидность «референциального реализма» – позиции, в целом принимающей онтологию объектов и возможность успешной референции к ним [10. P. 51]. Сама базовая метафора цветности, окрашенности уже содержит пресуппозицию о существовании того, чему приписывается цвет, т.е. объекта. В таком случае научный перспективизм Гира займет место среди разновидностей избирательного реализма.

Вторая трудность связана с перспективистскими понятиями. Гир использует слова «перспектива», «аспект», «точка зрения», «взгляд» в обыденном смысле, не предлагая их системную экспликацию и не демонстрируя их особый познавательный статус, который позволил бы говорить о перспективизме как самостоятельной концептуальной рамке или программе. Если выделить в перспективизме Гира ментальный, семантический и объектный уровни, то перспективные понятия, очевидно, имеют происхождение на уровне ментальном и связаны с визуальной перцепцией. На каких основаниях и по каким правилам они переносятся на семантический уровень и начинают характеризовать теории, в каком смысле они это делают, остается неясным. Хорошо известна широкая метафора Куна о том, что парадигма – это способ видения мира. Мысль Гира о перспективности теорий сходна, но не добавляет конкретики и новизны пониманию формы, содержания и динамики «теоретического видения». Приходится признать, что без концептуальной экспликации перспективистской схемы и без демонстрации ее эвристического потенциала в понимании и развитии теорий научный перспективизм Гира не движется дальше удачной метафоры.

Перспективный реализм М. Массими

Уже в самом названии «перспективный реализм» Микела Массими заявляет о принадлежности своей концепции к множеству реалистских программ. При этом именно Массими принадлежит громкое заявление о перспективистской золотой середине между научным реализмом и антиреализмом. Как соотносятся эти два обстоятельства? Свою версию перспективизма Массими строит на сходстве представления (репрезентации) объектов в изобразительном искусстве и представления их в научной теории. Она использует анализ двух знаменитых картин, чтобы ввести по-

нения «перспективность-1» и «перспективность-2», соответствующие антиреализму и перспективному реализму:

Перспективность-1: «Менины» Диего Веласкеса; «представление (representation), нарисованное от некоторой точки обзора (vantage point)» [6. P. 32]	Перспективность-2: «Портрет четы Арнольфини» Яна ван Эйка; «представление, нарисованное к одной (или нескольким) точке(ам) схода (vanishing point)» [6. P. 32]
1) «Представление ситуационно положено (situated) в конкретной точке обзора (занимаемой наблюдателем)» [6. P. 34]	1) «Представление имеет явную направленность к точке схода (в данном случае к зеркалу как точке фокуса, где расположено мета-представление представления первого порядка)» [6. P. 36]
2) «Представленная сцена изображена так, как она является из этой точки (а не с точки зрения Веласкеса или с точки зрения одной из фрейлин)» [6. P. 34]	2) «Точка обзора наблюдателя не является ни точкой обзора Джованни Арнольфини и его жены (в отличие от Филиппа IV и Марианны в «Менинах»), ни художника. Выглядит так, как если бы точка обзора, из которой изображена сцена, стала пустой, чтобы ее могла заполнить я, вы, или любой другой» [6. P. 36]
3) «Перспективное представление – это представление о той самой точке обзора, откуда происходит представление» [6. P. 34]	3) «Перспективное представление не является (самореферентным) представлением о точке обзора, откуда происходит представление. Точка зрения, с которой нарисована картина, не влияет на содержание перспективного представления второго порядка. Потому что в зеркале есть целый мир, а не отражение четы Арнольфини» [6. P. 37]
«Ситуационная положенность (situatedness) представления влияет на содержание представления» [6. P. 34]	Ситуационная положенность представления <i>не</i> влияет на содержание представления

Эта трактовка вызывает сомнения. Противопоставление в 1) точки обзора и точки схода далее разъясняется автором через порядок *построения* картины, в котором возникают и складываются ее замысел и ее компоненты. Можно согласиться, что нарратив о порядке возникновения – как была задумана перспективная композиция, какие линии были проведены первыми – помогает лучше понять картину, как и история возникновения научной теории позволяет лучше понять ее схему. Однако история открытия не способна заменить или объяснить логику его обоснования, как и рассказ об авторском замысле (неизбежно лишь одна из его возможных интерпретаций) и порядке работы не объясняет воздействия произведения на зрителя. Различие в пункте 2) и вовсе представляется надуманным: каждая из представленных сцен доступна зрителю – «мне, вам, или любому другому», – прежде всего из точки обзора работавшего над ней художника, даже если он, как, предположительно, Веласкес, решил представить себя среди участников сцены и уступить привилегированную позицию автора королевской чете. Самореферентность 3), или рефлексия, размышление о точке обзора, одинаково уместна в обоих случаях и одинаково не является обязательной. Наблюдатель в обоих случаях может быть поглощен *как* обозреваемым содержанием картины, *так и* особенностями своей позиции и замыслом художника в ее отношении. Наконец, зеркало «Портрета ...», в котором, возможно, и отражается «целый мир», но в действительности только угадывается фрагмент кроны дерева и небо, размывает «самореферентность» картины не больше и не меньше, чем открытая дверь или угадывающийся справа проем «Менин». Различие двух перспективностей, таким образом, не имеет принципиального характера.

Однако оно оказывается центральным для последующей экспозиции перспективного реализма. Массими утверждает, что перспективность-1 ведет к антиреализму, в то время как перспективность-2 оказывается открывающей «окно в реальность», которое позволяет умозаключать от представленного в перспективе к непредставленному [6. Р. 40]. Поскольку введенное на примере двух картин различие не работает, обе предложенные версии перспективизма можно интерпретировать и как реалистские, и как антиреалистские, и эта интерпретация будет определяться внешними по отношению к самой концепции факторами. В случае Массими это изначальный выбор репрезентационистского языка, предполагающего референцию репрезентации к репрезентируемому, то, что «наука относится (*relates*) к природе, а научные модели – к положениям вещей в мире» [6. Р. 32]. Конечно, такому языку «репрезентаций» и «положений вещей в мире» подлежит реалистская онтология, а идея перспективности оказывается лишь одним из способов напомнить о субъективных эпистемических особенностях и ограничениях в познании мира. «Перспективные репрезентации... представляют свой объект *таким, каким он виден с определенной точки зрения*, только в той степени, в какой изображение нарисовано *относительно одной или нескольких точек схода*. Художник искусно расположил линии композиции для создания перспективных эффектов, которых не хватило бы плоскому двухмерному холсту или панели. По аналогии философские дискуссии о перспективных репрезентациях должны начинаться с признания роли человеческого агента не только как зрителя, но, прежде всего, как *архитектора*, организующего линии композиции и создающего в кропотливых деталях перспективные эффекты „окна в реальность“» [6. Р. 32].

«Организация линий» далее находит аналогию в создании «экспериментальных техник» и «теоретических моделей», позволяющих проделать «окно в реальность» [6. Р. 42]. Агент-архитектор конструирует репрезентации, но не конструирует представленный в них мир. Репрезентации зависят от субъектов, выбранных ими инструментов, целей, позиций, от их историй и т.д. и потому множественны и часто кажутся несовместимыми (хотя далеко не всегда таковыми оказываются), в то время как объект, мир, реальность остается одним и общим для всех субъектов [6. Р. 43–48]. «Научные перспективы... это исторически и культурно обусловленные научные практики реальных научных сообществ в любое данное историческое время» [6. Р. 183]. Все это убедительно, но не ново (и Массими цитирует сходные пассажи у Гудмена, Патнема, Китчера, Канта) и не обретает новизны в свете перспективистской аналогии с изобразительным искусством. Предложенная во второй части книги разработка дуализма явлений (опытных данных) и феноменов (реальных событий) представляется вариацией на кантовскую тему, в которой феномены онтологизируются. Новой оказывается трактовка реальности как множества событий и демонстрация особенностей реализма событий в сравнении с реализмами обыденных вещей, структур и ненаблюдаемых сущностей (но и здесь можно указать на Лумана с его теорией систем и конституирующих их событий, чего автор не делает). Однако и в этом разделе концепция перспективистская аналогия ограничивается мотивом построения перспективы от «точки схода», т.е. от данных, а не от «точки обзора», т.е. установок наблюдателя.

Таким образом, перспективный реализм Массими – это детально проработанная реалистская концепция, опирающаяся на предшествующие достижения и предлагающая способ учесть антиреалистскую критику, – однако перспективность остается и в здесь лишь визуальной метафорой, вдохновляющим образом и удачным «брэндом», но не расширяющей понимание познавательных процессов, и их результатов. Вряд ли реализм событий станет золотой серединой, способной умиротворить антиреалистских критиков более, чем другие версии реализма.

Перспективный антиреализм Ф. Реканати

Французский аналитик Франсуа Реканати в книге «Перспективное мышление: призыв к (умеренному) релятивизму» (2007) разрабатывает релятивистскую версию перспективизма, основанную на конвенционалистской семантике. Реканати утверждает, что реализм имеет в своей основе неправдоподобную «литералистскую» философию языка [3. Р. 4]. Литерализм Реканати трактует как рудимент позитивистского методологического проекта построения «точного» языка науки, исключающего семантическую и синтаксическую не(до)определенность выражений и сводящего значение к объектной референции. Реканати утверждает, что общая неудача позитивистской программы не привела к отказу от литералистской установки и, соответственно, от реализма. Модификацией литерализма, позволившей ему уклоняться от критики и выживать, стала концепция индексных выражений. Ее назначение, по Реканати, состоит в том, чтобы, выделив узкую группу выражений, значение которых зависит от контекста, и тривиализировав эту их особенность, сохранить контекстуальную независимость для остальных выражений. Реканати утверждает, что эта операция невозможна и что всепроникающая контекстуальность затрагивает не только внешний, объективированный язык, но и ментальные состояния, с которыми он связан. Языку посвящена первая часть книги, в то время как две следующие части погружают читателя в проблемы сознания и субъективности. Такой выбор семантического и менталистского материала с самого начала задает концепции релятивистский «уклон».

Понятие перспективности, которым пользуется Реканати, по сути, сводится к понятию контекста. Всякий случай высказывания соединяет высказываемое семантическое содержание, в терминологии автора «лектон», и контекст, или перспективу, в которой лектон «рассматривается». «'Идет дождь' выражает разные пропозиции в разных контекстах не потому, что оно двусмысленно или включает скрытые индексикалы, а потому, что (явное) содержание, выражаемое этим предложением – *лектон*, как я его называю, – оценивается в зависимости от различных обстоятельств. В этом случае контекстуально изменяемым является обстоятельство, а не содержание, которое мы оцениваем; но полное истинностно-условное содержание высказывания (*utterance*) включает в себя обстоятельства, а также эксплицитное содержание: высказывание истинно, если его (эксплицитное) содержание истинно в отношении соответствующих обстоятельств. Если мы изменим обстоятельства оценки, мы изменим общие истинностные условия (*overall truth-conditions*)» [3. Р. 27]. Контекст включает не только внешние обстоятельства, но и внутренние, а именно явное либо неявное приписывание высказываемой

мысли себе (обычно) либо другому. Внутренним контекстом лектона становятся другие мысли (обыденным словом «мысли» Реканати пользуется намеренно). Лектон и его обстоятельства оцениваются из эгоцентрической либо экзоцентрической позиции; в последней говорящий пытается представить себя на месте другого. Позиция всегда чья-то, что исключает возможность «взгляда отовсюду», и ее параметры, внешние и внутренние, изменчивы. Собственно понятие перспективы вводится Реканати в связи с темпоральностью языка: время является фундаментальным фактором подвижности внутреннего переживания самости, чем-то вроде кантовской формы внутреннего чувства, и благодаря темпоральности возникает «внутренняя перспектива на время, характеризующая наше мышление и речь» [3. Р. 64]. *Актуальная* позиция и состояние говорящего, а не некое внешнее абсолютное событие, становится точкой отсчета (здесь Реканати отсылает к временной логике Прайора).

Перспективность характеризует все производимые агентом высказывания – такова релятивистская сторона концепции Реканати. Ее умеренность же заключается в том, что в некоторых простых случаях мы можем разрешить разногласия апелляцией к внешнему контексту («солонка слева от перечницы», одновременно произнесенное двумя сидящими напротив друг друга сотрапезниками, будет истинным у одного благодаря фактическому положению солонки), хотя в других («эта картина прекрасна», «это плохой поступок», «это справедливая война» и т.п.) никакой внешней, объективной, общезначимой точки зрения и порождаемой ею перспективы быть не может, и разногласия если и разрешаются, то конвенцией.

Как квалифицировать умеренный релятивизм Реканати? Это несомненный реализм в отношении солонки, соли, столов и других наблюдаемых обыденных вещей. Разногласия здесь решаются успехом референции. Реканати не касается реальности ненаблюдаемых сущностей (электронов и др.), и из его концепции неясно, как будет решаться эта важная для науки проблема. Все остальное, выходящее за пределы обыденной прямой референции, в частности абстрактные понятия, эмоциональные состояния, воспоминания, продукты воображения, представления себя, которым Реканати уделяет большую часть своего исследования, оказывается нередуцируемым к объектам и зависит от индивидуальных ментальных состояний и конвенций, т.е. достается релятивизму. Никаких промежуточных территорий данная концепция не предлагает.

Перспективизм на пути к автономии?

Анализ трех программ научного перспективизма показывает, что связанные с ними надежды на золотую середину между реализмом и антиреализмом пока не оправдались. Перспективизм Гира основан на метафоре цветового зрения, и для него перспективными, субъектозависимыми, оказываются лишь некоторые (вторичные) качества реальных объектов. Перспективизм Массими пытается, опираясь на изобразительную метафору и сомнительное различие перспективности-1 и перспективности-2, соединить феномен множественности научных теорий («перспективные разногласия» о том, чем является объект) с общей реалистической установкой науки (согласие в том, что объект *есть*). Перспективизм Реканати синкретически соединяет реализм в отношении обыденных объектов и релятивизм в

отношении прочего. Первые две версии перспективизма опираются на перцептивную метафору: перспективность обусловлена устройством восприятия наблюдателя¹, т.е. возникает на *ментальном* или *когнитивном* уровнях. Версия Реканати пытается вывести перспективность из контекстуальности, т.е. является *семантической*. Однако ни в одной версии не показано, как именно перцептивные категории транслируются в теоретические, или как научные понятия раскрывают свою перспективность, или что означает перспективность применительно к семантическому контексту конкретных высказываний. Изоморфность восприятия и теоретического мышления, чувственности и рассудка остается непродемонстрированной. Можно предположить, что этот ход имеет перспективы в рамках энактивизма посредством выдвижения эмпирических гипотез о перспективности мышления как результате когнитивного онто- и филогенеза, но в литературе не встречается таких попыток. Можно допустить, что экспозиция семейства перспективистских понятий способна обнаружить их семантическую связанность и представить как систему или схему: мы действительно говорим и в обыденном, и в научном режимах о «горизонте», «фокусе», «аспекте», «точке зрения», «преломлении», «отражении» и т.п. Можно далее предположить и нечто вроде трансцендентальной дедукции, демонстрирующей необходимость этого семейства понятий или этой системы категорий для всякого опыта, который мы можем себе помыслить. «Когнитивная биография» человека или сообщества ученых тогда будет выглядеть как траектория, прерываемый парадигмальными сменами континуум точек зрения, где взгляд, направленный из которых, пытается проникнуть или пронзить (*perspicere*) объект, конструируемый или перспективируемый сочетанием этого усилия и чего-то внешнего по отношению к нему. Но такую работу еще только предстоит совершить, и она совсем не обязательно увенчается успехом.

В актуальном состоянии, с одной стороны, усилия перспективистов мотивированы важным стремлением учесть антиреалистскую критику (отсутствие доступа к «взгляду из ниоткуда», фактуальную и семантическую недоопределенность, затруднения с идеей приближения к истине, историчность знания, активность конструирующего субъекта и др. – см., например, [12]) при сохранении научной установки на универсальность, общезначимость, истинность. Работа в рамках фундаментальной интуиции дуализма *перспективируемого* и *перспективирующего*, их неразрывности и взаимоопределения открывает интересные аспекты (перспективистское слово) и позволяет лучше понять нашу эпистемическую ситуацию с ее пределами. С другой стороны, как убедительно утверждает, анализируя отношения реализма и антиреализма, В.А. Ладов, онтологический вопрос является принципиальным и неизбежным [13. С. 7], и перспективизму тоже не удастся его обойти.

Заключение

Как видим, все три рассмотренные версии перспективизма если не являются видами реализма, то как минимум содержат реалистский компонент: Гир и Массими признают это явно, Реканати же де факто занимает вполне respectable и консервативную позицию избирательного реализма в от-

---

¹ Визуального, но есть и осязательный перспективизм [11].

ношении обыденных объектов – подпадающую под весь набор сопровождающих ее трудностей [14].

Список источников

1. Massimi M. "Perspectivism" // *The Routledge Handbook of Scientific Realism* / ed. by J. Saatsi. 1st ed. New York : Routledge, 2017. Series: Routledge handbooks in philosophy: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203712498>
2. Giere R.N. *Scientific Perspectivism*. University of Chicago Press, 2006.
3. Recanati François. *Perspectival Thought: A Plea for (Moderate) Relativism*. Clarendon Press, 2007.
4. Fraassen Bas C. van. *Scientific Representation: Paradoxes of Perspective*. OUP Oxford, 2008.
5. Massimi M. Realism, Perspectivism, and Disagreement in Science // *Synthese*. 2021. № 198 (25). P. 6115–6141. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02500-6>
6. Massimi M. *Perspectival Realism*. Oxford University Press, 2022.
7. Crețu A.-M., Massimi M. *Knowledge from a Human Point of View*. Springer Nature, 2020.
8. *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects* / M. Massimi, C.D. McCoy (eds.). Routledge, 2019.
9. Putnam H. *Reason, Truth and History*. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511625398>
10. Teller P. What Is Perspectivism, and Does It Count as Realism? // *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects* / ed. by M. Massimi and C.D. McCoy. Routledge, 2019.
11. Chirimuuta M. Vision, Perspectivism, and Haptic Realism // *Philosophy of Science*. 2016. № 83 (5). P. 746–756. <https://doi.org/10.1086/687860>
12. Chakravartty A. Scientific Realism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E.N. Zalta. Summer 2017. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/scientific-realism/>
13. Ладов В.А. Формальный реализм. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011.
14. Korman D.Z. Ordinary Objects // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E.N. Zalta. Fall 2020. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/ordinary-objects/>

References

1. Massimi, M. (2017) *Perspectivism*. In: Saatsi, J. (ed.) *The Routledge Handbook of Scientific Realism*. 1st ed. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203712498
2. Giere, R.N. (2006) *Scientific Perspectivism*. University of Chicago Press.
3. Recanati, F. (2007) *Perspectival Thought: A Plea for (Moderate) Relativism*. Clarendon Press.
4. Fraassen Bas, C. van. (2008) *Scientific Representation: Paradoxes of Perspective*. Oxford: OUP.
5. Massimi, M. (2021) Realism, Perspectivism, and Disagreement in Science. *Synthese*. 198(25). pp. 6115–6141. DOI: 10.1007/s11229-019-02500-6
6. Massimi, M. (2022) *Perspectival Realism*. Oxford University Press.
7. Crețu, A.-M. & Massimi, M. (2020) *Knowledge from a Human Point of View*. Springer Nature.
8. Massimi, M. & McCoy, C.D. (eds) (2019) *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects*. Routledge.
9. Putnam, H. (1981) *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511625398
10. Teller, P. (2019) What Is Perspectivism, and Does It Count as Realism? In: Massimi, M. & McCoy, C.D. (eds) *Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects*. Routledge.
11. Chirimuuta, M. (2016) Vision, Perspectivism, and Haptic Realism. *Philosophy of Science*. 83(5). pp. 746–756. DOI: 10.1086/687860
12. Chakravartty, A. (2017) Scientific Realism. In: Zalta, Ed.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Summer 2017. Stanford University. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/scientific-realism/>
13. Ladov, V.A. (2011) *Formal'nyy realizm* [Formal realism]. Tomsk: Tomsk State University.

14. Korman, D.Z. (2020) Ordinary Objects. In: Zalta, Ed.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2020. Stanford University. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/ordinary-objects/>

Сведения об авторе:

Чалый В.А. – доктор философских наук, профессор Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград, Россия).
E-mail: vadim.chaly@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chaly V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation).
E-mail: vadim.chaly@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.09.2022;
одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 05.12.2022
The article was submitted 20.09.2022;
approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 05.12.2022*